

Велимир Хлебников и его ЭПИТЕТЫ

Занятие «Школы критики» ПОЛЯРНОГО ДНЯ
vk.com/polarday51

Велимир Хлебников (1885–1922)

- Великий русский поэт, основоположник футуризма в России.
- Тем не менее, футуристом себя не считал, предпочитая неологизм «будетлянин» («Гилея»: Хлебников, Бурлюк, Каменский).

«Хлебников бытует эдаким чудаком, который хранил свои произведения в мешке, странствовал с ним по России, был молчуном в говорливых компаниях... чем-то похожим на безумного капитана Лебядкина»

(М. Латышев)

«Он был открыватель, ученый, провидец, а у нас из него сделали полудиота-шамана»

(О.Э. Мандельштам)

Заумь

- «Заумный язык значит находящийся за пределами разума»
- Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

<1908 — 1909>

Хлебников и футуристы

- Около 50% «Пощечины общественному вкусу» — тексты Хлебникова.
- Лозунг «сбросить с корабля современности» придуман не одним Маяковским, а в соавторстве с Хлебниковым.

В. Маяковский написал портрет
Хлебникова □

Закон качелей велит
Иметь обувь то широкою, то узкою.
Времени то ночью, то днем,
А владыками земли быть то носорогу, то человеку.

<1912>

- Сон — то сосед снега весной,
То левое непрочное правительство в какой-то думе.
Коса то украшает темя, спускаясь на плечи, то
косит траву.
Мера то полна овса, то волхвует словом.

<1912>

Эпитеты у Хлебникова

- Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.

Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебе наблюдала хотя.

- (1908)

Сияющая вольза
Желаемых ресниц
И ласковая доля
Ласкающих десниц.
Чезори голубые
И нрови своенравия.
О, мраво! Моя моролева,
На озере синем — мороль.
Ничтруссы — туда!
Где плачет зороль.

<1918>

- О, достоевскиймо бегущей тучи!
О, пушкиноты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмерное замирным полня.

(1908-1909)

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

<1915>

Ни хрупкие тени Японии,
Ни вы, слаdkозвучные Индии дочери,
Не могут звучать похороннее,
Чем речи последней вечера.
Пред смертью жизнь мелькает снова,
Но очень скоро и иначе.
И это правило — основа
Для пляски смерти и удачи.

<1915>

Моих друзей летели сонмы.
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы.
Нас отразило властное ничто.
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печально непохожих,
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь «дам» и «дашь».
Теперь их грёзный кубок вылит.
О роковой ста милых вылет!
А вы, проходя по дорожке из мауни [money],
Ужели нас спросите тоже, куда они?

1916

Ласок
Груди среди травы,
Вы вся — дыханье знойных засух.
Под деревом стояли вы,
А косы
Жмут жгут жестоких жалоб в жёлоб,
И вы голубыми часами
Закутаны медной косой.
Жмут, жгут их медные струи.
А взор твой — это хата,
Где жмут веретено
Две мачехи и пряжи.
Я выпил вас полным стаканом,
Когда голубыми часами
Смотрели в железную даль.
А сосны ударили в щит
Своей зажурчавшей хвоей,
Зажмуривши взоры старух.
И теперь
Жмут, жгут меня медные косы.

<1916>

- В этот день голубых медведей,
Пробежавших по тихим ресницам,
Я провижу за синей водой
В чаше глаз приказанье проснуться.

На серебряной ложке протянутых глаз
Мне протянуто море и на нем буревестник;
И к шумящему морю, вижу, птичая Русь
Меж ресниц пролетит неизвестных.

Но моряной любес опрокинут
Чей-то парус в воде кругло-синей,
Но зато в безнадежное канут
Первый гром и путь дальше весенний.

(1919)

- Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки сты́десной земли.

Сквозь полёт золотистого мячика
Прямо в сеть тополёвых тенёт
В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползёт.

Весна 1919

САМОСТРЕЛ ЛЮБВИ

Хотите ли вы

Стать для меня род тетивы

Из ваших кос крученых?

На лук ресниц, в концах печеный,

Меня стрелою нате,

И я умчусь грозы пернатей.

25 января 1921

Сыновеет ночей синева,
Веет во все любимое,
И кто-то томительно звал,
Про горести вечера думая.
Это было, когда золотые
Три звезды зажигались на лодках
И когда одинокая туя
Над могилой раскинула ветку.
Это было, когда великаны
Одевались алой чалмой
И моряны порыв беззаконный,
Он прекрасен, не знал почему.
Это было, когда рыбаки
Запевали слова Одиссея
И на вале морском вдалеке
Крыло подымалось косое.

1920

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.
Но имя веры, полное Сибирей,
Узнает снова Ермака —
Страна, где замер нежный вырей,
И сдастся древний замок А.
Плеск небытия за гранью Веры
Отбросил зеркалом меня.
О, моря грустные промеры
Разбойным взмахом кистеня!

1919 — 1920

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

(1914)

Птица, стремясь ввысь,
Летит к небу,
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю её.
Когда у кого-нибудь нет носу,
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает её —
Он, лишенный души!..

<1912>

Когда рога оленя поднимаются над зеленью,
Они кажутся засохшее дерево.

Когда сердце н<о>чери обнажено в словах,
Бают: он безумен.

<1912>

И черный рак на белом блюде
Поймал колосья синей ржи.
И разговоры о простуде,
О море праздности и лжи.
Но вот нечаянный звонок:
«Мы погибоша, аки обре!»
Как Цезарь некогда, до ног
Закройся занавесью. Добре!
Умри, родной мой. Взоры если
Тебя внимательно откроют,
Ты скажешь, развалясь на кресле:
«Я тот, кого не беспокоят».

<1919>

Вы пили теплое дыхание голубки,
И, вся смеясь, вы наглецом его назвали
А он, вложив горбатый клюв в покрашенные губки
И трепеща крылом, считал вас голубем?
Едва ли!

И стая иволог летела,
Как треугольник зорь, на тело
Скрывая сумраком бровей
Зеркала утренних морей
Те низко падали, как пение царей.
За их сияющей соломой,
Как воздухом погоды золотой,
Порою вздрагивал знакомый
Холма на землю лёт крутой.
И голубя малиновые лапки
В прическе пышной утопали.
Он прилетел, осенне-зябкий.
Он у товарищей в опале.

(1919-1920)

- Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

<1912>